

© 2009 г. Е.А. Рыбалка

КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПТОВ ПРОСТРАНСТВА В ФИЛОСОФИИ

Анализируется проблема пространства в социальной философии и антропологии. В рамках выделенных направлений исследуются содержательные характеристики концептуализации территориальных, субстанциональных и системообразующих начал социального пространства. Сделан вывод, что социальное пространство не может определяться как «часть бытия» или «форма бытийственности». Это заданность бытия, его разворачивание в истории цивилизаций и культур, в существовании жизненного пути личности и социальных общностей.

Ключевые слова: пространство, концепт пространства, личность, культура, общество.

Исследование узловых проблем пространства в социальной философии осуществляется по нескольким направлениям. Общая концептуализация направлена на выяснение статуса пространства в проблемном поле социальной онтологии, где рассматриваются вопросы связи пространства со структурой социума, проводится соотношение феноменов пространства с бытийственностью социальных субъектов. Как справедливо отмечает О.Ф. Филимонова «В социальной метафизике пространство воспринимается в разных модусах: и как операционный конструкт – объективная, универсальная форма упорядочения, различения, расположения, локализации (пространство тел, процессов, изменений) и как способ демонстрации смысла» [1, с. 15]. Другое направление, сформировавшееся в условиях цивилизационного подхода, связано с выяснением пространственных матриц локальных цивилизаций. Устанавливая метафизические основания единства поселенческих структур, форм организации социальной жизни и культуры, сторонники цивилизационного подхода видят в социальном пространстве признаки стабильности цивилизационного порядка. Еще одно направление концептуализации общественного

пространства связано с выяснением пространственных структур, выражающих динамику жизнедеятельности социума. Этот вид концептуализации направлен на осмысление источников структурирования властных, социально-политических отношений в социуме, способных направлять в определенное социальное русло движущие силы общества.

Обозначенные направления социально-теоретического конструирования имеют общее гносеологическое основание – в представленных формах социального мышления пространство выдвигается в самостоятельный объект исследования, где неизбежно абстрагирование от многих процессов, в том числе и временных структур, которые в эмпирической реальности тесно взаимодействуют с пространственными структурами. Общее онтологическое основание представленных подходов заключается в том, что пространство выступает способом существования социальных объектов, социальных субъектов, институтов и ментальных систем, объединенных общностью территории или единым духовным простираем, сотворенным культурой своего времени. Сущностные свойства социального пространства находят свое проявление в пространстве личности, персонифицируются в социальных дистанциях, поведенческих практиках, в ценностях. Различие подходов к социальному пространству определяется познавательными установками и категориальными рядами, разработанными в разных исследовательских программах.

В рамках выделенных направлений исследуем содержательные характеристики концептуализации территориальных, субстанциональных и системообразующих начал социального пространства. *Концепт «пространство-территория»* - один из весьма распространенных в современном социальном познании идеальных конструктов, отражающих пространственную связь природной и социальной реальности. Пространство мыслится как расположенность физических, географических объектов, поселенческих общностей, этносов, институтов, объединенных территориальными связями. Эмпирическим базисом концепта «пространство-территория» выступает земная поверхность, рельефы, ландшафтные зоны, измененные под влиянием человеческой деятельности, промышленных, социальных объектов, интегрированных сложившимися формами общественного разделения труда, социальными и поселенческими связями. Социально освоенная территория обретает свойства социального пространства. Ассоциативное рассмотрение пространства и

территории приводит к дисциплинарной путанице, когда пространство становится частью территории. Выражая распространенную в западной политической географии точку зрения, Майкл Китинг пишет: «Территории как социальные системы состоят из различных пространственных уровней. Как правило, их выделяется шесть: глобальный, континентальный, государственный, региональный, местный, городской или муниципальный и соседский» [2, с. 74]. Такое методологически простое (описательное) понимание территории, приемлемое для политической географии, оказывается недостаточным с позиций социальной философии. Расположенность в зависимости от субстратов (носителей) территориальных образований выражает динамику географического пространства, но не дает возможности обосновать пространство как способ существования социальной реальности.

Философское осмысление пространства как территории, в отличие от геополитического регионализма, позволяет обратить внимание на природный конструкт пространства человека. В этой связи географическая среда (этот термин впервые в философию вводит Г.В. Плеханов) выражает естественное начало пространственного бытия человека. Освоение географической территории человеком идет неравномерно. Благоприятные климатические зоны обживаются людьми интенсивно, другие, отличающиеся суровым климатом, осваиваются под влиянием жесткой необходимости. Каждое новое поколение обживает социоприродную среду, созданную своими предшественниками. Структурные элементы географического пространства – рельеф местности, ландшафт, биогеоценозы, попадая в поля социальных взаимодействий, обретают социальные функции, становятся некими кодами пространственного поведения человека. Социальные смыслы «пространственного» мышления человека раскрываются в социально-географических понятиях: «техногенный, городской, культурный» ландшафты, в терминах «социальный рельеф», «социальный климат». Эти понятия выступают познавательными средствами дисциплинарных исследований пространства как территориальной организации, сложившейся в процессе непрерывного преобразования социальными субъектами природной среды.

Сосредоточив внимание на природной основе социального пространства, сторонники геосоциального подхода выводят познание на исследование территориальных проблем, связанных с ресурсными особенностями про-

странства человека. «Окружающая природная среда фактически является совокупностью ресурсов, выполняющих как бы двойную функцию... средообразующую и непосредственно ресурсную» [3, с. 138]. Осваивая природную среду, создавая ресурсоемкие территории, человек воспроизводит уже в человеческом качестве ресурсную функцию природы. Процесс присвоения ресурсов и превращения их в человеческий потенциал, в ресурсное пространство оказывается многомерным. Отправной точкой исследования ресурсного пространства человека, личности является понятие «человеческий потенциал». По мнению ряда исследователей этот потенциал имеет несколько дискурсов: в социально-организационном дискурсе – это человеческие ресурсы, в экономическом контексте потенциал предстает как человеческий капитал, в социально-экологическом как жизненный потенциал, в экзистенциальном, духовно-практическом – как личностный потенциал [4, с. 11-15].

В процессе концептуализации социального пространства как территории, где формируются ресурсы поселенческих общностей, промышленные и финансовые ресурсы экономических групп, управленческий потенциал корпоративных общностей, все больше внимания уделяется личностному потенциалу. Мы полагаем, что речь может идти не только о духовно-практическом дискурсе рассмотрения личностного потенциала, но и об онтологическом основании этого потенциала, связанного с проблемой территориальности. По определению М. Черноушека «территориальность – это такая форма поведения, которая регулирует использование специфических секторов определенной области для разных целей в строгой временной последовательности» [5, с. 128]. Территориально располагая различные виды деятельности в секторах повседневности, в экологических и экономических нишах социального пространства, личность создает свое ресурсное пространство, благодаря которому на карте социальной территории определяется ее местоположение, достигается статус и территориальный менталитет. Посредством осознанной целенаправленной деятельности человека территория приобретает не только антропологические измерения, но и становится четко обозначенным пространством личностного бытия – местом жительства. В работах все чаще дается следующее определение места жительства – это обжитая территория, где более или менее удачно сконцентрированы основные учреждения для обеспечения жизненного цикла людей – от рождения до смерти [6, с. 99]. Та-

ким образом, концепт территория как форма пространственного бытия индивидов охватывает самые различные сферы взаимодействия человека со средой.

Другое направление социально философской концептуализации пространства связано с идеей субстанциональности, способной к порождению системных качеств общества, приносящей необходимую устойчивость и стабильность в отношения между людьми, институтами и другими элементами социального мира. *Концепт «пространство-субстанция»* имеет свои традиции в истории социального познания. Истоки субстанционального подхода к социальной пространственности можно, по нашему мнению, обозначить при компаративистском анализе взглядов О. Шпенглера и П. Сорокина. По мнению немецкого культуролога пространственность содержит в себе всеобщее субстанциональное начало социального мира. «Всемогущественная пространственность, всасывающая в себя и порождающая из себя *субстанцию* всех вещей (курсив мой – Е.Р.) – самое подлинное и самое высшее наше достояние в аспекте нашей Вселенной» [7, с. 339-340]. При всей метафоричности изложения идея «пространственности» как начала мироздания дана впечатляюще масштабно. Вступая в воображаемый диалог со Шпенглером, Сорокин вкладывает в пространственность социальный смысл. «Социальное пространство есть некая вселенная, состоящая из народонаселения Земли... Определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета» [8, с. 298]. Охватывая население земли, социальное пространство поддается осмыслению благодаря устойчивому расположению макросоциальных образований в самых разных общественных сферах, выражающих разнообразные конфигурации социальных территорий.

Продолжая компаративистский анализ взглядов Шпенглера и Сорокина в осмыслении пространственности, можно установить разные представления этих мыслителей о предназначении «пространственной субстанции». С точки зрения Шпенглера пространство универсума обретает начальное воплощение в пространствах цивилизаций и культур. Для первых решающую роль приобретают техногенные процессы, пространство техники, пространство крупных городов, центров международной торговли, для других - дистанции смыслов

и значений, раскрывающихся в символах и кодах культуры. «Каждая культура обнаруживает глубокую символическую и почти мистическую связь с протяженностью, с пространством, в котором и через которое она ищет самоосуществления» [9, с. 264]. Пространственность культуры создает духовное ядро истории, непрерывно порождает культурные дистанции, в которых проявляется различие между созданным культурным достоянием государств, этносов, культурных общностей и кодами новой культуры, открывающей все новые возможности самоосуществления искусства, религии, нравственности.

В пространстве каждой новой культуры в истории человечества обнаруживается, по мнению Шпенглера, культурное пространство отдельной личности, пространство ее культурного бытия. Осознание собственного Я связывает пространство личности с пространством культуры. «В каждом из нас пробуждается внутренняя жизнь – в тот решительный миг, когда осознается наличие своего Я, - там именно, и таким же образом, где и как пробудилась некогда душа целой культуры» [9, с. 269]. Несомненную методологическую значимость для нашего исследования представляет идея субстанциональной принадлежности духовного пространства личности к пространству культуры. Субстанциональность выражается в непрерывно обновляющейся связи индивидуального духа и духа культуры. Шпенглер видит историческую перспективу личностного освоения пространства культуры и проявление жизненной силы культуры в творящей себя личности. «Каждая сколько-нибудь значительная частная жизнь с глубочайшей необходимостью повторяет все эпохи той культуры, к которой она принадлежит» [9, с. 269]. Особое место в субстанциональном подходе О. Шпенглера занимает духовная субстанция (душа культуры), проявляющаяся в разных пространственных формах. Античную культуру отличает аполлоническая душа, западную культуру – фаустовская. Душа античной культуры «как культуры малого, легкого, простого» раскрывается в геометрическом пространстве, отличающимся замкнутостью и простотой форм. Фаустовская душа наполнена вечным беспокойством, устремленностью в бесконечность. По мнению Шпенглера, фаустовское пространство с его чистой безграничностью и глубиной находит свое воплощение в архитектуре, живописи, поэзии. Субстанциональность пространства разворачивается как духовная сущность культуры. «Пространство» - я могу теперь сказать это, пользуясь фаустовским языком, - есть некая строго обо-

собранный от сиюминутной чувственной действительности духовная «сущность» [9, с. 346]. Философское осмысление богатого многообразия исторических типов культуры позволило Шпенглеру всесторонне обосновать субстанциональность пространства культуры.

Внося много плодотворных идей в понимание субстанциональности пространства, Шпенглер неоправданно резко разграничивает пространство культур и цивилизаций, причем проблема социального субъекта и его пространственного бытия оказывается у него маргинальной темой. Насколько внимателен Шпенглер к проблеме человека и его пространства в мире культуры, настолько он равнодушен к топосам личностного бытия в цивилизационном пространстве. Свое негативное отношение к цивилизации эпохи индустриализма мыслитель переносит на всю цивилизационную теорию, связывает гибель каждого исторического типа культуры с успехами технической модернизации социальных организмов. Когда расцвет культуры прекращается и «вся полнота внутренних возможностей завершена и осуществлена вовне, культура внезапно коченеет, отмирает, ее кровь свертывается, силы надламываются – она становится цивилизацией» [9, с. 264]. Следует еще раз подчеркнуть, что цивилизационное пространство, его динамика – расширение, сжатие, перемещение, столкновение – для Шпенглера оказалось менее занимательной темой, чем пространство культур и культурных коммуникаций.

Вернемся к диалогу П. Сорокина и О. Шпенглера. Альфред Кребер в своей работе «Стиль и цивилизация» (Нью-Йорк, 1957) критикует точку зрения Шпенглера (в значительной мере разделяя точку зрения Тойнби) о том, что цивилизация с необходимостью обладает одним единственным жизненным циклом, в котором есть одна неповторимая фаза созидания [10, с. 159]. В контексте нашего анализа отметим, что речь может идти о разном понимании субстанциональности цивилизационных процессов. Сорокин придерживается более широкого взгляда на социальную субстанцию и ее пространственные проявления в истории. По его мнению, многомерность субстанции общества выражена в значимых взаимодействиях между обществом, культурой и личностью, предопределяет разные измерения социального пространства. Им выдвигается тезис о существовании трехмерности социальной пространственности, представленной экономическим, политическим и профес-

сиональным пространством [8, с. 369]. В этой системе можно определить положение разных социальных групп и определить социальные дистанции между ними. Структура социального пространства раскрывается в социальной стратификации и социальной мобильности. Посредством раскрытия феноменов социальной стратификации, выраженных в понятиях «высшие и низшие страты», «большие и малые социальные дистанции», социальное пространство приобретает различные социальные смыслы, выражающие место субъектов в стратифицированном пространстве. По мнению Сорокина, реально существующие формы стратификации весьма разнообразны и являются свойством естественно развивающегося общества [11, с. 107]. Таким образом, выдвинутая в первой половине прошлого века идея субстанциональности социального пространства претерпевает значительную эволюцию от исходных метафизических размышлений до объяснительного принципа в исследовании конкретных типов культуры и современных цивилизационных структур.

Субстанциональный подход к пространству получает развитие в современной социальной философии при исследовании онтологических оснований пространственных структур конкретных обществ. Такие основания связаны с проблемой бытийственности социальных субъектов. В этой связи весьма показательным является определение, предложенное В.К. Потемкиным и Н.А. Титаренко. По мнению философов, пространство выражает «такую форму существования элементов социального бытия, которая объективно закрепляет их положение и связи, обусловленные общественными отношениями, независимо от места их проявления» [12, с. 300]. По своей сути это определение предполагает совпадение пространственных структур с материальными общественными отношениями, что несколько сужает представления о социальном пространстве. В другой работе В.К. Потемкин более широко сформулировал концепт пространства на основе выделения трех сущностных признаков, включающих социальную связь, социальную дистанцию, социальную соразмерность [13]. В одной из более поздних работ автор обосновывает пространство как способ существования социальных субъектов, как систему направленной детерминизма событий. Пространство, по его мнению, не только делает возможным фабулу повседневности, зачастую оно само становится

непосредственным участником нашей жизни, задавая ей ход, детерминируя направление событий [14].

Продолжением, точнее развитием субстанционального подхода является обоснование социального пространства как особого вида социальных структур. Разнообразие точек зрения на строение пространства охватывается общим *концептом «пространство-структура»*. Следует, прежде всего, уточнить содержание концепта. С одной стороны, он указывает на строение пространства как некой системы и тогда речь может идти о разных видах пространственных связей, действующих в различных сферах общественной жизни. С другой стороны, пространство может рассматриваться как целостная структура, как всеобщая пространственная связь, например, - как особая форма сетевого общества, возникшего при переходе от промышленной к постиндустриальной цивилизации, и в этом случае все пространственные связи охватываются общим понятием «структура». В ходе анализа концепта будут использоваться названные смысловые характеристики «пространства-структуры».

Концепт «пространство-структура» в социальной философии проходит несколько этапов своего становления и развития. В моделях социального мира, представленных в эпоху классической рациональности, осмысление пространства как особого вида социальных структур получает свое теоретическое гражданство в работах Г. Спенсера. В общетеоретическом плане социальное пространство в учении Спенсера относится к социальной статике. В более конкретном контексте пространство как система связей проявляется в отношениях между социальными институтами – главными регуляторами совместной жизни людей. Изучая структуру и функции социальных институтов, социолог выделяет целое семейство понятий, которые имеют прямое отношение к исследованию пространственных структур социальных организмов. С точки зрения мыслителя, пространство это особый тип структур, раскрывающийся через институциональные понятия «социальные отношения», «организация», «координирующий центр». Институциональные структуры как выражение пространственных отношений между людьми делают возможным совместную жизнь благодаря установлению устойчивых социальных дистанций, определяющих место каждого элемента в социальном организме. В эволюционной теории Спенсера идеальное общество ассоциируется с особыми про-

странственными структурами, где индивиды не прикованы к одному месту, а свободно меняют свои позиции без ущерба для сплоченности общества и его основных подсистем [15, с. 1138-1149].

Институциональное видение пространственных структур усиливается в работах Маркса широким социально-экономическим контекстом, где выявляется многофункциональная направленность социального пространства, его связь с предельно общими структурами общества. Маркс находит аргументы для обоснования связи субстанциональных и структурных свойств пространства общества. «Из определенной формы материального производства вытекает, во-первых, определенная структура общества, во-вторых, определенное отношение людей к природе» [16, с. 279]. Хотя в этом конструкте общества, названным им общественно-экономической формацией, речь идет об общих основаниях функционирования общества и человеческой истории, вместе с тем здесь предполагается, что устойчивость организации общественной жизни невозможна без структурированного пространства. В подготовительных материалах к «Капиталу» Маркс вполне определенно пишет о роли пространственных структур в разных формах материального производства. «Общение протекает в пространстве и во времени. Пространственное условие – доставка продукции на рынок – относится с экономической точки зрения к самому процессу производства... Этот пространственный момент важен, поскольку он взаимосвязан с размерами рынка, с возможностью объединять продукт» [16, с. 26]. Таким образом пространство влияет на форму материального производства и через это влияние прослеживается воздействие пространственных структур на самые различные стороны жизни людей.

Исследование пространства как особого типа структур предпринималось М. Вебером [17], имело свое продолжение в работах Р. Мертона и Т. Парсонса [18]. Среди отечественных исследователей концепт «пространство-структура» имеет разные смысловые горизонты. В литературе представлена точка зрения на пространственные структуры как особую систему связей, включая: 1) пространства социально-классовой структуры общества, 2) пространства индивидуальной деятельности, 3) пространства «очеловеченной природы», и 4) пространства природной среды общества. По мнению автора, они образуют целостную систему единого пространства общества, в которой связую-

щим началом выступает предметная деятельность человека [19, с. 52]. Идея о систематизации разных пространственных уровней общественной жизни, несомненно, плодотворна. Однако стремление автора свести пространственные структуры к человеческой деятельности не представляется удачной. Прежде всего, обнаруживается совпадение субстанционального и системно-структурного анализа пространства. Деятельность как методологическое ядро субстанционального подхода к пространству не дает возможности раскрыть структурность пространства. Остается не совсем ясным критерий выделения пространственных уровней. Названы одни уровни и остались без внимания другие пространственные уровни, связанные с пространственной стратификацией «верхних» и «нижних» слоев общества, остались без рассмотрения структурные уровни культуры.

Ряд нерешенных проблем в обосновании пространственных структур обнаруживается в концепции В.В. Ильина. Автор разделяет субстанциональный и структурный подходы к социальному пространству. По его мнению, первый подход направлен на обоснование социального пространства как совокупности субстанций, представленных социальными общностями и организациями, соединенными социальными отношениями. В рамках второго подхода пространство предстает как надындивидуальная реальность, состоящая из структурированных социальных связей [20]. Соглашаясь с целесообразностью выделения разных подходов, представляется спорным сведение субстанциональности пространства к институциональным взаимодействиям, в этом случае, объектом рассмотрения становится не целостное пространство и его разновидность – институциональное пространство. Еще одно спорное положение в выдвинутой концепции связано с выделением совокупности субстратов как структурных элементов социального пространства. Нам представляется, что индивиды их группы и организации могут выступать как субстраты пространственности, тогда как субстанциональность характеризует системообразующее свойство пространства.

Методологические проблемы, проявившиеся при разграничении субстанционального и структурного подходов к социальному пространству, во многом связаны со стремлением авторов решить названные проблемы с позиций классической рациональности. Рассмотрение пространства преимущественно с позиций надындивидуальной реальности без учета ценностного,

коммуникативного анализа привносит элементы схематизма в эпистемологические конструкты социального пространства.

Изменение пространственной организации общества под влиянием компьютерных технологий, научных инноваций и технических революций сопровождается изменением образов социального пространства в современных социально-философских концепциях. Многие методологические инновации в исследовании пространства возникли под влиянием парадигмы сетевого общества. «Современные системы коммуникаций создают новый опыт, новые способы мышления и новые схемы отношений независимо от непосредственного контакта между людьми» [21, с. 68]. К этим новым явлениям глобализации относится новая конфигурация социального пространства, детерминированная глобальными коммуникационными сетями. Социальное пространство обладает агрессивными структурами, которые «стягивают» информацию, ресурсы, опыт в локальные центры, кристаллизуя их в пространственные координаты, задаваемые «движением совокупной жизни и деятельности людей» [22, с. 94].

Под углом зрения постмодернизма социальное пространство обретает свое инобытие, где образуются незримые информационные дистанции, а протяженность превращается в сомнение. «Пространство – это сомнение, утверждает Г. Перес, - мне надо без конца его замечать, обозначать; оно никогда не принадлежит мне, оно никогда не было мне дано, необходимо, чтобы я завоевал его» [23, с. 110]. Сетевое пространство лишено системообразующего начала, превращая человека в конструктора различных социально-коммуникативных дистанций-знаков. В результате концепт «пространство-структура» становится метафорой, игрой воображения.

Особое значение в общем проблемном поле исследования социального пространства занимает *концепт «пространство-центр»*. Основная методологическая установка представленной концептуализации заключается в том, что пространство реализует центробежные и центростремительные силы, действующие в социуме, в его различных подсистемах. Наиболее широко такая модель работает при исследовании территориальных феноменов власти, в политическом пространстве социальных общностей, в установившихся связях между властью и индивидами. В русской философской традиции проблема центра как системообразующего элемента пространства приобретает чет-

ко выраженный национальный оттенок, раскрывающийся в философском языке. В. Соловьев обращает внимание на нивелирующее действие центростремительных сил на территории России, стремящихся преодолеть все многообразие частных форм и подчинить личную жизнь интересам верховного начала. Центробежные силы отличаются прямо противоположной направленностью, они разрушают общие нормы, общие начала, порождают всеобщий эгоизм. Установление равновесия в национальном пространстве достигается, по мнению философа, духовными усилиями народа, что свойственно «в особенности национальному характеру русского народа» [24, с. 224]. В действительности национальная ментальность может способствовать установлению взаимопонимания между субъектами, персонифицирующими действия созидających и разрушающих сил во имя сохранения пространственной целостности этносов. Решающую роль в национальном пространстве остается за институциональными субъектами, способными своими действиями создавать устойчивые пространственные связи и структуры. Смещение проблемы пространства в плоскость центробежных и центростремительных сил позволяет исследовать вопрос о социальных дистанциях между социальными субъектами. Выдвижение в качестве ключевой проблемы пространства социальной субъективности дает возможность обсуждать проблемы личностного пространства в связи с изменением времени истории [25].

В постструктуралистской философии образ центра как источника дисциплинарного принуждения создан М. Фуко. Исследователь его философского наследия В.А. Конев обратил внимание на роль властного центра в формировании пространства. «Дисциплина распределяет индивида в пространстве: фиксирует его место в пространстве (в строю, в палате, в классе, в карцере и т.п.); организует пространство анализа-учет, контроль, надзор; кодирует пространство, придает ему ранги» [26]. Вектор данного высказывания точно определил важнейшие функции дисциплинарного центра в создании основных признаков пространства – места, дистанций, институционального контроля и пространственных кодов. Создавая дисциплинарное пространство, властный центр создает дисциплинарное общество. Соглашаясь с В.А. Коневым в том, что дисциплинарное общество М. Фуко отходит в прошлое, пространственная конфигурация, приспособленная для надзора центра

за окружающей средой (так называемой паноптикона) постепенно заменяется конфигурацией в форме подиума, когда субъект властного центра открыто демонстрирует свои возможности как системообразующего элемента социального пространства. Если М. Фуко обращает пристальное внимание на социальные и телесные технологии развертывания влияния центра на конфигурацию пространства, то представители деконструктивистской философии размышляя о власти центра и стратегиях борьбы с ним, переводят проблему пространства в плоскость бытийственности социума и человека. В работах Ж. Деррида образ центра ассоциируется с различными вариантами присутствия. В бесконечных проявлениях присутствия центр теряет свою определяющую роль и индивид вместо давления центра оказывается под воздействием собственного круговращения [27, с. 88]. Выдвижение тезиса о растворении центра как пространственной данности приводит к усилению влияния «частичных идентификаций» малого пространства. Если обратить внимание на социальный подтекст деконструктивизма, то это иносказание новой реальности, где ослаблено влияние централизованной власти, усиливается роль автономных территорий, желание личности уйти от власти дисциплинарного центра. Одновременно это философская констатация усиления влияния локальных порядков в пространственном бытии личности.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод, что пространственность выражает прямую сопричастность простираемого и бытийственности в социуме, в жизни социальных субъектов и отдельных личностей. Социальное пространство не может определяться как «часть бытия» или «форма бытийственности», более точно – это заданность бытия, его развертывание в истории цивилизаций и культур, в существовании социальных общностей и в жизненном пути личности.

Литература

1. *Филимонова О.Ф.* Жизненное пространство города: концептуальные основания и ментальные структуры. Саратов. 2004.
2. *Китинг М.* Новый регионализм в Западной Европе // Логос. 2003. № 6.
3. *Петров Ю.П.* Информация и биосфера // Информационные проблемы изучения биосферы. М. 1992.

4. *Генисаретский О.И., Носов Н.А., Юдин В.Г.* Концепция человеческого потенциала: исходные соображения // Человек. 1996. № 4.
5. *Черноушек М.* Психология жизненной среды. М. 1989.
6. *Кокарев И.* Соседские общности: путь к будущему России. М. 2001.
7. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. М. 1993. Т. 1.
8. *Сорокин П.* Человек, цивилизация, общество. М. 1992.
9. *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории. М. 1993. Т. 1.
10. *Kroeber A.L.* Style and Civilization. NY, 1957.
11. *Сорокин П.* Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений. СПб. 2000.
12. *Потемкин В.К., Титаренко Н.А.* Методологические проблемы соотношения пространственных форм в обществе // Роль методологии в развитии науки. Новосибирск. 1985.
13. *Потемкин В.К.* Особенности проявления пространства в социальном развитии материи // Методология науки и научный прогресс. Новосибирск. 1981
14. *Потемкин В.К., Симаков А.Л.* Пространство в структуре мира. Новосибирск. 1990.
15. *Спенсер Г.* Абсолютная политическая этика // Опыты научные, политические и философские. Минск. 1999.
16. *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 26. Ч. 1.
17. *Вебер М.* Основные социологические понятия. Избранные произведения. М., 1990.
18. *Парсонс Т.* Система современных обществ. М. 1998.
19. *Черников В.Г.* Общественное производство. Социально-философский анализ. Воронеж. 1984.
20. *Ильин В.* Теория социального неравенства (структуралистско-конструктивистская парадигма). М. 2000.
21. *Хелд Д., Гельдблатт Д., Макгрю Э. и др.* Глобальные трансформации. М. 2004.
22. *Керимов В.Е.* Введение в социальную философию. М. 1996.

23. Жизненное пространство человека и общества. Саратов. 1996.
24. Соловьев В.С. Собр.. соч. в 3 т. СПб. 1911. Т. 1.
25. Рыбалка Е.А. Пространство личности в осевом времени истории // Время-Пространство-Ценности цивилизации. Саратов. 2007.
26. Ничто и порядок. Самарские семинары по французской философии. Самара. 2004.
27. Давыдов Ю.Н. Жак Деррида: Сотворение постмодернистской мифологии // Философские науки. 2001. № 4.

*Ростовский юридический
институт МВД России*

21 февраля 2009 г.